

Это было совершенно несправедливо. И поймать эту тварь невозможно, и одолеть не получается — как вообще с таким справляться?

Система не выдержала и разразилась отборным матом:

[Да чтоб тебя... #@\$%&...]

— Хорошо, — кивнул Е Линь.

На его суровом лице не отразилось ни капли нетерпения или притворства.

Система взывала:

[Хозяин, ну зачем ты так его балуешь? Он же издевается над тобой, это очевидно!]

"Если не есть, не пить и не спать — можно умереть", — Е Линь просто не хотел его смерти.

Он пока сам не понимал, что чувствует к своему пленнику, но слова о том, что без еды, воды и сна тот долго не протянет, глубоко засели у него в голове. С тех пор Е Линь всерьез опасался, что Лингуан возьмет и умрет у него на глазах.

В конце концов, это хрупкое человеческое существо голодало и не смыкало глаз уже целые сутки.

От одной мысли о возможной смерти Лингуана в груди Е Линя закипала глухая, неукротимая ярость, а во взгляде проступала зловещая тьма.

Система поспешила напомнить:

[Хозяин, он не человек... Боги не так легко умирают от голода и жажды]

«Не так легко» не означало «никогда».

"Не хочу его смерти", — упрямо повторил про себя Е Линь. Раз уж он что-то вбил себе в голову, то расшибется в лепешку, но добьется своего.

Лингуан, до последнего слова слышавший эти мысленные излияния, озадаченно склонил голову. Сомнения одолевали его все сильнее.

Отношение Е Линя вообще казалось странным. Он обращался с ним так бережно, словно

Лингуан был сделан из тончайшего фарфора. Кандалы на руках исчезли — точнее, веревка теперь свисала чисто символически, а еда и питье стояли на расстоянии вытянутой руки.

«Неужели он совсем не боится моего побега? С каких это пор похитители, уходя по делам, освобождают своих пленников?»

Немного подумав, Лингуан отправил через личный терминал короткое сообщение Сюань Юню с просьбой не предпринимать резких шагов. Ему безумно хотелось выяснить, что за игру затеял Е Линь.

Но именно из-за этого минутного колебания все пошло совсем не так, как он предполагал.

Е Линь даже не подумал использовать заложника, чтобы надавить на Сюань Юня или кого-то еще. Более того, возвращаясь, он каждый раз приносил новые изысканные яства, выжидая заглядывал Лингуану в лицо и строго следил, чтобы тот вовремя ложился спать. Он вел себя заботливее и зануднее, чем Сюань Юнь.

Лингуан в ответ капризничал вволю: выплевывал предложенное угощение, выливал воду прямо на пол, а стоило Е Линю попытаться уложить его спать — нещадно пинался. Он вел себя как несносный, колючий подросток, которого за подобную наглость любой другой давно бы прибил.

Почувствовав на себе пристальный взгляд Е Линя, Лингуан прислонился к стене, скрестил руки на груди и вызывающе вскинул бровь.

— Я голоден.

Е Линь смолчал, но Система уже кипела от злости:

[Да этот наглец издевается! Ни крошки в рот не берет, а жрать требует каждый день!]

Лингуан не удостоил ее ответом, продолжая с вызовом смотреть на похитителя.

И глубокой ночью в лесу снова поднялся переполох: во все стороны с испуганными воплями бросилось зверье, оглашая чащу предсмертными криками.

Пользуясь тем, что Е Линь ушел на охоту, Лингуан зарылся в пышную гору из десятка мягких шкур, с удовольствием зажмурился и, не обращая внимания на доносившийся снаружи шум, сладко зевнул, перевернулся на бок и заснул.

Сюань Юнь слал ему тревожные сообщения несколько дней подряд, но Лингуан неизменно отвечал одной фразой:

"Еще немного"

Уж слишком велик был соблазн докопаться до мотивов Е Линя.

Если не считать запрета покидать хижину, Лингуану жилось грех жаловаться. Согласись он на регулярное питание, его рациону позавидовали бы короли — Е Линь доставал абсолютно все, чего бы тот ни пожелал.

Время от времени, когда Лингуан окончательно выводил похитителя из себя, тот просто сгребал строптивца в охапку, блокировал его руки и укладывал на кровать, заставляя затихнуть и спать.

Правда, вскоре Лингуан раскусил, что Е Линь лишь притворяется спящим. Он просто держал его, чтобы утихомирить. Стоило это понять, как Лингуан принимался брыкаться и пинаться прямо под одеялом. Оставалось только поражаться ангельскому терпению Е Линя — любой другой заложник за такие фокусы давно бы схлопотал пару увесистых затрещин.

В очередной раз перед Лингуаном появилось дымящееся блюдо. На этот раз Е Линю удалось раздобыть невероятно редкую дичь — пугливое лесное создание, похожее на оленя. Поймать его из-за феноменальной скорости было почти невозможно, но его мясо славилось исключительной нежностью, а густой мех ценился на вес золота.

Шкуру Е Линь тщательно выстирал и заботливо постелил Лингуану на постель, а сочное мясо поджарил на углях и теперь лично подносил кусочек за кусочком, затаив дыхание в ожидании, пока тот сделает хотя бы один укус.

Лингуан лишь мазнул равнодушным взглядом по угощению и высокомерно отвернулся:

— Не буду.

— Что же тебе тогда нужно? — в голосе Е Линя промелькнула искренняя растерянность.

Пленник не ел, не пил и не спал уже три дня. Да, он капризничал, изводил своего тюремщика невыполнимыми требованиями, но Е Линь покорно сносил все причуды и продолжал ухаживать за ним с прежним рвением.

Более того, его вполне устраивало такое положение дел.

Стоило распахнуть дверь хижины, как он видел своего взъерошенного, сердитого котенка. Пусть тот шипел и выпускал коготки, Е Линь все равно получал редкую возможность аккуратно расчесывать его шелковистые волосы, обнимать его и подолгу лежать в тишине. В уединении, где были только они двое и никто посторонний не смел нарушить их покой. Е Линь находил в этом истинное блаженство.

Вот только Лингуан оказался крайне упрямым заложником: он держал глухую оборону, намертво сжав губы и наотрез отказываясь притрагиваться к еде.

На безмолвный, полный немого укора взгляд Е Линя он лишь пренебрежительно фыркнул, сделав вид, будто любит стены. Но в этот самый момент его предательски заурчавший желудок выдал его с головой. Настоящий капризный барич.

— На суше нет зверя, которого я бы не одолел, — со вздохом произнес Е Линь. — Но то, о чем ты просишь, здесь просто не водится.

Задача и впрямь оказалась непосильной даже для него. В поисках диковинного деликатеса он уже успел перебить всю живность в радиусе десяти миль.

Эти слова уязвили гордость Лингуана. Он насмешливо прищурился:

— И это, по-твоему, мои проблемы?

Е Линь послушно замолчал.

Лингуан, конечно, понимал, что его запросы граничат с абсурдом, но он делал это намеренно, прощупывая границы дозволенного. Вот только мотивы похитителя до сих пор оставались загадкой.

Лингуан коснулся шеи, затем провел рукой по бедру. За все это время Е Линь больше ни разу его не укусил. Он действительно пылинки с него сдувал. Потерявшись в догадках, Лингуан залез в терминал и запустил сетевую игру.

Столкновение с ним на виртуальной арене повергло Бай Чанфэна в шок.

[Все вокруг мусор]:??? Я слышал, ты на секретном задании под прикрытием и тебя захватил опасный террорист. Как ты вообще умудряешься зависать в сети?!

[Лингуан]: А, этот придурок? Он даже не отобрал у меня терминал. Каждый день таскает деликатесы и пылинки сдувает. Сам не знаю, чего он добивается.

[Все вокруг мусор]:...

[Все вокруг мусор]: То есть тебе не нужно вкалывать, никто не гонит спать по расписанию, еду приносят прямо в постель, а когда тюремщик уходит, ты спокойно режешься в игры?

Получив подтверждение, Бай Чанфэн буквально изошел завистью.

[Все вокруг мусор]: Проклятье! Как же я завидую! Сюань Юнь мне дышать спокойно не дает, отбирает консоль по ночам и заставляет разгребать горы отчетов!

[Все вокруг мусор]: Что это за святой человек? Он заботится о тебе лучше, чем родная мать!

Прочитав последнюю строчку, Лингуан замер.

А ведь и правда.

Если предположить, что Е Линь похитил его от скуки или ради забавы, то, помимо шантажа Земного Альянса, в его действиях не было ни капли логики.

А если это любовь... Кто, черт возьми, ухаживает подобным образом? Тратить столько сил на похищение только ради того, чтобы просто лежать в обнимку и кормить с ложечки? Что за сказочный простофиля?

Будь Лингуан на его месте, вернись его покойный супруг из мертвых — да какая разница, узнал бы тот его или нет! — он бы первым делом уволок его в спальню и трахал семь дней и ночей напролет!

Лингуан окончательно запутался. Играть больше не хотелось. Он решил дожидаться возвращения Е Линя и вывести его на откровенный разговор.

Но время шло. Рассвет сменился сумерками, ночь растаяла в утреннем тумане, а Е Линь так и не появился.

Толкнув дверь хижины, Лингуан с удивлением обнаружил, что она не заперта. На ней не было ни замков, ни засовов — ничего, что мешало бы ему уйти. Все это время он вовсе не был заперт в четырех стенах вопреки собственным убеждениям.

Солнце медленно поднималось из-за горизонта. Мягкий, золотистый утренний свет постепенно разгонял предрассветную мглу, окрашивая бескрайнюю водную гладь в теплые тона. Легкие волны лениво набегали на берег, сверкая в лучах новорожденного дня.

В этом зыбком золотом сиянии на побережье стоял длинноволосый юноша, подставив босые ступни под прохладную пену прилива. Лингуан всмотрелся в пустую линию горизонта. Он прождал на берегу целые сутки, и лишь сейчас до него наконец дошло: Е Линь бесследно исчез.